

Василий Касимирович отвозит дани Батею Батеевичу (2)

А-й как во стольнѣм во городе во Киеви
Да у ласкова князя да у Владимира
Да было-де пированьице, был почесьѣн пир
И про всех же купцѣй-гостей торговыя,
И про тех же хресьянушок прожитосьних,
А про тех полениць да при(й)удалыя,
А да про тех хресьянушок чернопахотных,
Чернопахотных же хресьянушок прожи[то]сьних,
Да про тех полениць да пре(й)удалыя,
Да про тех же сильних-могучих богатырей,
А про тех про вдов да благодарных,
Да про ту про всю веру кресцѣную.
Да как день-от идѣт да день ко вечеру,
Ноньце солнышко катицьсе ко западу,
А да почесьѣн-де пы[и]р идѣт навесели.
Ишше все-де на пиру сидят пьяны-ти, весѣлы,
Ишше все же на пиру да приросхвастались:
А как богатой-от хвастат да золотой казной,
А как наезник-от хвастает добрым-то конѣм,
А богатырь-от хвастал да могучей силой,
Ише глупой-от хвастал да молодой-то жоной,
А неразумной-от хвастал дак он родной сестро[й],
Ише умной-от хвастат старой матерью.
За тема столами да убраными,
За тема же за есвами за сахарныма,
За тема напитками разноличныма
А как сидит тут удалой да доброй молодець,
Как не пѣт-то, не ест — сидит, не кушает,
Ишше белой-то лебѣдушки не рушает.
Ишше князь-от Владимир стольне-киевской
Как по светлой-то gryднюшки сам похаживал,
Как сапог о сапог да поколачивал,
И белыма руками да сам розмахивал,

И злаченыма перснями да сам нашшалкивал,
Да как сам он из речей да выговарывал:
«Уж вы ой еси, мои гости да все названья,
Да названные мои гости вси отобранныя!
Да не съездит ле хто из вас во Большу Землю
И во Большу-де Землю съездит — во прокляту Литву?
Не свезёт ле хто от меня да дани-пошлины,
За два[е]наццэтъ тут лет да дани-выходы?»
За тема же нонь столами да-й убраными
Тут сидел тут удалой доброй молодец.
А как он сидит, не пьёт, не ест, не кушает,
Да он белой-то лебёдушки, сидит, не рушает.
Да как князь-от Владимир да тут проговорит:
«Уж ты ой еси, удалой доброй молодец!
Ише що же ты сидишь, не пьёшь, не кушаёшь,
Ише белой-то лебёдушки да не рушаёшь?
Ише винна ле чара тебе не подана?
Да братыня-та с пивом была не по́днесена?»
Тут сидит-то удалой да доброй молодец,
Ведь сидит-то он да из рецей ноньце выговариват:
«Уж ты ой еси, князь Владимир стольне-киевской!
Ты позволь-ко-се ведь мне да слово молвити,
Ты позволь-ко-се мне да речь говóрити —
Не позволь миня за слово скоро-то казнить,
Ише скоро-де казнить, скоре повесити!»
А да спроговорил князь Владимир да стольне-киевской:
«Ой, говори-тко-се, удалой доброй молодец:
Ты не будёшь казнён, да скоро повешон же —
Говори-тко-се ты, да що тебе надобно!»
За тема же столами удалой доброй молодец выговарывал:
«А как-то есь то-й у Вас да во чистом поли,
Ише есь-то-й у Вас да нонь глубок погрёб:
В глубину-ту погрёб да сорока сажон,
В ширину-ту погрёб да сорока локот. —
Да сидит тут посажон Василей Касимирович.
Да он съездит от Вас до во Большу Землю,
Во Большу Землю — да в прокляту-ту Литву
Ко Батею-то сыну да ко Батеевичу.
Как свезёт ведь он дани-пошлины,

За двенаццэть-то лет да дани-выходы!»
А говорил тут Владимир да слово ласково:
«Уж вы ой еси, мои слуги верныя!
Вы подите-то, слуги, да во чисто ле полё,
Вы берите-ко, слуги, да золоты ключи,
Отмыкайте-ко, слуги, да вы крепки-то замки,
Выпускайте-ко Васильюшка на почесьён пир!» —
«И зовёт-то тебя, Василий Касимирович,
И зовёт-то тебя князь Владимир да на почесьён пир!»
Да на то же Васильюшко приослушалсэ —
Да не идёт же Василей да на почесьён пир.
Ише тут же князь Владимир да респрогневалсэ —
Посылат-де ведь он слуг да во второй након:
«Вы подите-ко, мои слуги да ноньче верныя,
И ведите-ко Васильюшка на почесьён пир!»
Да на то-де Васильюшко не ослушалсэ:
Да пошел же Василей да из глубокого темного погрёба,
А пошел-де Васильюшко на почесьён пир.
Да подходит Василей да к широку двору,
Да подходит Василей да ко красну крыльцю,
А заходит Василей на лисвянку брущатую,
Да берецьсе Васильюшко за вито кольчё,
Отпираёт Василей ведь широки ворота,
Да широки ворота — да с крюков на пяту,
И заходит Василей да до тугих дверей,
И заходит Василей да во светлу грыню.
Как ставаёт-то он да во светлу грыню,
Как ставаёт Василей да среди-то грыни,
Да как ставаёт-то он против матици —
Ише крест-от кладёт да по-писаному,
Да поклон-от ведёт да по-учоному,
Да как на все ле сторонки да низко кланеицсе:
Поклонилсе, в-первых-де, князю Владимиру,
Да тогда ле на все четыре сторонки да низко кланялсэ.
Тогда-де князь Владимир да стольне-киевской
И проговорил он да таково слово:
«Уж ты ой еси, Василей да сын Касимирович!
Да не съездишь ле у нас да во Большу Землю?
Не свёзёшь ле от нас да дани-пошлины,

За двенаццэть тут лет да дани-выходы?»
Да князь-от Владимир наливал чару зелена-та вина,
Да не малу, не велику чарочку — полтара ведра,
Подавал где Владимир да стольне-киевской,
Подавал где Василью да единой рукой.
Выпивал-де нонь Василей да к единому духу —
Ише тут же Василей по светлой-то грынюшки запохаживал,
Ише сам он из речей да выговарывал:
«Уж ты ой еси, князь Владимир да стольне-киевской,
Ты позволь-ко-се мне-ка да кого с собой мне-ка взять!»
Да тогда же князь Владимир да стольне-киевской
Да спроговорил он да таково слово:
«Уж ты ой еси, Василей да Касимирович!
Ты бери-тко-се ты, да хто надобно!»
Да спроговорил Василей да свет Касимирович:
«Дак как дай-ко мне помощь — Добрыню Микитиця!»
Как наливал-де князь Владимир да стольне-киевской,
Наливал-де он чару да во второй након,
Он не малу, не велику — да равно два-та ведра,
Да тогда ле подават Василью да сыну Касимировичу.
Да примал-де Василей да единой рукой,
Выпивал-то Василей да к единому духу.
Ише тут-де Василей по гыни запохаживал,
Ише сам он из речей зачал выговаривать:
«Уж ты, молоды князь Владимир стольне-киевской!
Есьли надобно тебе, князь Владимир стольне-киевской,
Есьли надобно — дак мы тебе от ёго привезём,
От ёго-то привезём да дани-пошлины,
За двенаццэть тут лет да дани-выходы!»
Да тогда ле Василей сказал да таково слово:
«Подведите-ко, князь Владимир да стольне-киевской,
Подведите-ко Вы к нам да коней добрэньких,
Д[а] щобы нам было на ком ехать да во чисто поли —
Не оставил бы нас конь да во чистом поли,
Не заставил бы ходить ступью брѣдовою!»
Ноньче видели ребята, как на коня садились, —
Только видели они: да во чистом поли,
Во чистом-то поли стоит — курева стои[т],
Курева-та стоит, да дым столбом валит.

Приехали эти удалы да добры молодц[ы],
Да приехали они да во Большу-ту Земл[ю] —
(А прокля[я]ту-де Литву они приехали),
Во Большу-ту Землю — да прокляту Литву.
В прокляту-де Литву, да прокляту Литву
Ко Батею они ноньче приехали —
Ко Батею-ту сыну да ко Батеевичу.
Безо всякого доклада да заехали
Ко Батею-ту сыну да ко Батеевичу,
Без доклада Батея сына Батеевича.
И поставили своих да коней добрыя,
Да поставили коней да ко белу шатру,
Да зашли-де они да во белой шатёр,
Повалилисе они да отдохнуть же.
Тут-де у Батея сына Батее[е]вича
Как у его идёт пир да навесели,
Ише все-де на пиру сидят пьяны-весёлы.
И увидал тут Батей да сын Батеевиць:
«И кака же невежа приехала
К нам в царсво, робятушка?
Зашли они без доклада Батейского!»
Батей-от Батеевич посылат своих слуг верныя:
«Вы подите-ко, мои слуги, да слуги верныя,
Да спросите-ко, слуги, да кака невежа
Приехала высокородная?»
Пришли-де ведь слуги, скоро спросили же:
«Ты кака така невежа дак к нам приехала —
Без доклада нашего царску показаласе?
Есь, що же приехали?
Привезли разе дани-пошлины?
Да Батей-от сын Батеевиць велел у вас спросить!»
Отвечают удалы да добры молоч<ь>чи:
«Не желам мы платить да дани-пошлины —
Ищо сами желам получить с вас нониче!»
Да пошли-де к Батею да слуги верныя,
Отвечают ёму да розговаривают:
«Да не будём платить ёму да дани-пошлины,
За двенаццэт тут лет да дани-выходы!
И желам нонь с вас получить да дани-пошлины

И за двенадцэт тут лет да дани-выходы!»
Ише тут же Батеюшку за беду прышло,
И за велику досаду ёму да показалосе:
«И подите-ко вы, слуги, да вы спросите-ко,
Ише есь ли у их да таковы стрельци:
Ише с нами, ребятами, пострелятисе
Да во ту-де во меточку во польскую —
Да во то востреё да во ножовоё?»
Как стал же Батей да сын Батеевиць,
Ише стал-де выбирать Батей сын Батеевиць,
Выбирал ведь он сибе дак три стрельця.
А Василей от sibя выбирал стрельця
Добрынюш[к]у Микитица:
Спровожал ёго стрелять во метоцьку во польскую —
Да во то востреё да во ножовоё.
Как пошли-де они стрелять да во чисто полё,
Становили эту меточку — да востреё ножовоё.
Ну, тогда ле, тогда первой-от стрелил — не дострелил;
Д[а] как второй-от стрелил — да ведь он перестрелил;
А как третёй-от стрелил — да только ушьми хватил!
Ну, тогда ле Добрынюшка натегивал да тугой свой лук,
Тогда ле Добрынюшка направлял свою калену стрелу.
Как запела тетивонька шелковая,
Зашипела-полетела да калена стрела
Да во ту же во меточку во польскую,
Да во то востреё да во ножовоё:
Роскочиласе у нас стрела, калена стрела,
Роскочилась у нас стрела, да калена стрела,
Калена-де стрела роскочилась надвоё.
Ну, тогда ле брал как Добрыня да калену стрелу,
Да идёт-де Добрыня да к Батею сыну Батеевичу,
Да ише сам он из речей да выговаривал:
«Уж ты ой еси, Батей да сын Батеевиць!
Ише есь ли у вас да таковы весы,
Таковы ле весы — да нашу стрелочку повесити,
Да котора котору половиночку перетянёт же?»
Ише клали вед[ь] стрелочку на скалочки —
Некотора некотору половиночку не перетягиват.
Ну, как кричал-вопел Батей да сын Батее[е]виць,

Как кричал-вопел да громким голосом:
«Ишше вы нонече уланове-буланове,
Ишше сильние-могучие руськи богатыри!
Ишше есь ле у вас да таковы борьчи:
Ишше с нами, с ребятушками, да поборотисе?»
Отвечал тут Василей да сын Касимирович:
«Спускаю я Добрынюшка Микитиця,
И спускаю ведь с вами да поборотисе!
Я надею-ту держу да я но[а] Господа —
А спускаю тут Добрынюшку поборотисе!»
Ише тут-де Батей да сын Батеевич
Ише стал он выбирать борьчей три сотёнки,
Да из трёх-то сотёнок выбрал триччэть борьчей,
Из триччети он выбрал да ровно семь борь[ц]ей.
Как проговорил Василей да сын Касимирович:
«Ише надобно итти ноньче на чисто полё,
Ише надобно итти на полё боротисе!»
Выходили тут удалы да добры молочьчи,
Выходили они ноньче на чисто полё.
Как Добрынюшка Микитич да тут спроговорил:
«Уж ты ой еси, Батей да сын Батеевич!
Ише как же Вы прикажите мне с има боротисе,
Ише как же бороцьсэ, как же управла[я]цьсэ?
Или со всема ле вдруг боротисе,
Али с кажным же порозь водитисе?»
Тут захотелосе Добрынюшки поборотисе —
Да схватил-де Добрынюшка всех заедино же,
Да захватил он в охабочку ведь семь человек.
Хто был в серёдошки, того рожжало —
И ёго ноньче только одна пена осталасе:
Как не с ким стало Добрынюшки управлетисе.
Добрынюшки не с ким ведь стало поправлетисе.
Ухватил-де Добрынюшка тотарина за ногу,
Да как зачал Добрынюшка тотарином помахиват[ь]:
Как вперёд-то махнёт — дак ноньче уличи;
А назад-от махне[ё]т же — да с переулочками.
И завёрнулса Добрыня да на добра коня,
Да хватил-де Добрыня тотарина за ногу,
И стал-де тотарином Добрынюшка помахивать.

Ише и сам Добрыня из речей зачал выговарывать.
Ише сам из речей да стал приговарывать:
«Ише крепок тотарин на жильё — не порвицьсе!»
Ише колько ведь бьёт да силой храброю,
А вдвоё-втроё да конём топчет же.
Да тогда ле выходит Батей сын Батеевич
Он выходит нониче на балхон к себе,
И гледит-де он, смотрит в трубочку подзорную.
И тогда ле Батей да сын Батеевич
И он скричал-звонел да громким голосом:
«Вы уланове-булан[ов]е, сильни-могучи богатыри!
Вы оставьте ведь мне тотар хошь на семена:
Я согласён вам платить да дани-пошлины,
За двеначчэть тут лет да дани-выходы!»

(Зап. А. Д. Григорьевым 21 июля 1901 г.: д. Дорогая Гора Дорогорской вол. — от Рассолова Ивана Ивановича (из д. Печище).)

Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым
в 1899—1901 гг. Т. 3: Мезень. СПб., 1910.